

БОЛЬШОЙ БИЗНЕС

ВСЕЛИТЬ – ВСЕЛИЛИ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

КАМЧАТСКИЙ КРАБ (*Paralithodes camtschaticus*) – один из важнейших видов промысловых ракообразных Северной Пацифики. Является ценным пищевым продуктом и источником полиненасыщенных жирных кислот, витаминов А, Е, D и С. По сравнению с дальневосточным крабом, мышечная ткань которого составляет 28 – 35 % от общей массы, у акклиматизированного в Баренцевом море камчатского краба выход мяса существенно выше и может достигать 58 %. Отходы переработки камчатского краба используются в медицинской, пищевой и косметической промышленности.

Предварительные расчеты стоимости продукции (варено-мороженые конечности краба) в результате экспериментального промысла краба в России и Норвегии в 2000 г. показывают, что она могла бы составить около 118 млн долл. США, учитывая, что общий вылов – 70 тыс. экз., средняя масса одного краба – около 4 кг, средняя доля выхода готовой продукции – 52 %, минимальная цена одного кг продукции – 8,1 долл. США.

Возникает вопрос, не «уплывет» ли ценный морской биоресурс, на интродукцию которого были потрачены огромные государственные средства и не один год напряженной работы ученых, на норвежские перерабатывающие фабрики, способствуя их процветанию и создавая дополнительные рабочие места в рыбацких поселках Финмарка, а не Кольского полуострова? Этот вопрос после 30-й сессии СРНК активно обсуждается в мурманских СМИ. Какой бы ответ ни дала на него практика в будущем, безусловным сегодня является одно: все зависит от желания и финансовых возможностей российских рыбопромышленников заниматься крабовым промыслом и инвестировать деньги в создание отечественных береговых фабрик по переработке краба и от способ-

ности власти создать благоприятные условия для этого.

Нельзя сказать, что среди компаний Мурманской области не наблюдается никаких действий в отношении крабового промысла. Напротив, в последние годы из-за снижения объемов квот на вылов наиболее ценных трески и

пикши интерес к крабу со стороны рыбопромышленников заметно вырос. Ряд компаний имеет серьезные намерения заниматься его переработкой и доращиванием в садках на родном берегу. Достаточно сказать, что в течение последних трех лет каждый год фабрику в Бюгёйнесе посещали представители трех – четырех российских рыболовцевских фирм. И надо отдать должное нашим соседям, которые с готовностью делились своим опытом переработки и докармливания камчатского (читай – российского) краба.

Если отбросить традиционную нехватку у наших предприятий финансовых средств, которая, несомненно, ограничит возможности создания полноценной переработки краба на берегу, существуют и два организационных момента, способных в ближайшее время оказать существенное влияние на развитие крабовой индустрии на Кольском полуострове. Несмотря на то, что на 30-й сессии СРНК впервые были согласованы и приняты единые меры управления запасами краба: было определено, в какой период, сколько экземпляров, какого размера, пола, какими орудиями лова можно изымать, – остался нерешенным один важный вопрос, который имеет и биоэкономический, и политический характер. Это вопрос открытия и закрытия районов промысла других видов морских биоресурсов из-за прилова краба. Связано это с тем, что до сих пор Россией и Норвегией так и не выработан единый подход к оценке численности такого прилова.

Надо сказать, что проблема эта больше российская, чем норвежская. Поскольку норвежцы сталкиваются с ней в основном при сетном промысле пинагора и трески, который позволяет очень легко снизить прилов краба. Достаточно поднять сетку над грунтом, и краб в нее не попадет. У нас его прилов наблюдается при траловом промысле донных видов рыб. В последние же годы отмечается сильное совмещение ареалов пикши и краба в восточной части Баренцева моря – как в 12-мильной зоне, так и за ее пределами.

Трудность в выработке единых критериев оценки прилова краба заключается, в частности, в том, что, по мнению ученых, они не полагают для этого достаточной информацией. Сетования рыбаков по поводу рвущихся от крабового изобилия тралов (иногда в них по-

падает до 3 т этого обитателя морского дна) звучат для науки неубедительно. В каждом случае прилова краба сведения о нем должны записываться в промысловый журнал. Но это далеко не всегда делается во избежание проблем с контролирующими органами и чтобы не покидать район промысла, который может быть закрыт из-за большого количества попавшего в трал краба. Можно понять и рыбаков, которые согласно действующим сегодня правилам должны выкидывать ценное сырье за борт. Изменение этих правил, позволяющее оставлять часть прилова на борту судна, могло бы стать хорошим подспорьем в снабжении береговых пунктов приема и переработки краба. Однако в ближайшее время это вряд ли произойдет. Поскольку российские и норвежские ученые только к сентябрю 2002 г. должны дать свои предложения по оценке прилова.

Наводит на определенные размышления и нежелание Госкомрыболовства России, а именно с его подачи 30-я сессия СРНК обязала российских рыбаков продолжать научно-экспериментальный лов краба, открыть его коммерческий промысел. Как говорят ученые мужи, в нежелании этом больше политики, нежели научной целесообразности. ПИНРО установлено, что у Мурманского побережья краб прижился и образовал самостоятельную самовоспроизводящуюся популяцию. Ее ареал распространился на обширной акватории от Лофотенских островов на западе (по норвежским источникам) до Гусиной банки на востоке Баренцева моря. Общая численность краба, по оценкам ПИНРО, только в российских водах в 2000 г. достигла примерно 12,5 млн, а промысловая – 1,5 млн экз.

Аргументация Госкомрыболовства продолжить научно-экспериментальный промысел звучит убедительно: слишком много желающих ловить краба, ситуация может стать неуправляемой. Действительно, опыт Дальнего Востока показывает, что при массовом его промысле трудно вести точный учет освоения этого ценного ресурса, возможно браконьерство. Но как относиться к созданию при ФГУП «Нацрыбресурс», которое совместно с Госкомрыболовством и пользователями заключает договора на научно-экспериментальный крабовый промысел, Ассоциации традиционных пользователей краба? Кто стал счастливым членом этой организации? Много ли среди них рыбопромышленников Севера? И не приведет ли отсутствие ясности в крабовом промысле со всеми вытекающими отсюда уголовно наказуемыми последствиями к простому их решению: с началом промышленного лова краба выставить его квоту на аукцион? Ведь аукционный способ борьбы с коррупцией у нас уже имеется.

Вопросы непростые, поскольку от ответов на них зависят характер развития крабовой индустрии на Северном бассейне, степень ее благотворного влияния или отсутствие такового на береговую инфраструктуру рыбохозяйственного комплекса Мурманской области, и в конечном счете, на наполняемость регионального бюджета.

Е. Вовченко

(Журнал «Рыбный бизнес на Мурмане», 2001, № 1)